

ПРОБЛЕМА ДОБРА И ЗЛА В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ И КУЛЬТУРЕ

В. Ш. Сабиров, О. С. Соина

*Новосибирский государственный архитектурно-строительный
университет*

Проблема добра и зла относится к категории «вечных» проблем и имеет свойство периодически обостряться. Это происходит, как правило, в переломные исторические эпохи. Современная ситуация в мире в целом и в нашей стране в частности свидетельствует как раз о переломности переживаемого нами культурно-исторического периода, который и вынуждает заново переосмысливать фундаментальные ценностные понятия. Такого рода теоретическая рефлексия никогда не ведется на пустом месте. Одна из отличительных особенностей философского знания состоит в том, что оно способно обновляться только на основе обращения к теоретическому и духовному наследию предшествующих эпох. Глубокий духовный, ценностный и моральный кризис, который переживает в последнее десятилетие наша страна (да и не только она одна), удивительным образом совпал с периодом возвращения на Родину трудов русских мыслителей, прежде запрещенных не только для издания, но и для изучения. Таким образом, в этом факте, имеющем провиденциальный смысл, злободневная проблема соединилась с возможным способом (или способами) ее решения. Отличительная особенность трудов русских мыслителей на тему добра и зла обнаруживается в их глубокой связи с духовной традицией христианства, в их антропологизме и ориентации на ценности русской культуры. Нельзя также не отметить мощный антиморалистический пафос, содержащийся в их творчестве. Русские мыслители видели свою миссию не только в том, чтобы обосновывать мораль и оправдывать добро, но и в том, чтобы критиковать мораль, пресекая ее претензии быть абсолютной ценностью и верховным судьей всех и вся. Непреходящее значение миссии русских мыслителей заключается в том, что они настойчиво проводили мысль о необходимости разграничения социального, морального и духовного аспектов добра и зла. Абсолютизация морального (или социального) добра и тотальное отрицание морального и социального зла не менее опасны, чем полный аморализм. Об истинности данного утверждения мы можем судить хотя бы по опыту социалистического строительства в нашей стране. «В системе мирового бытия, руководимой Провидением, – писал Н. О. Лосский, – даже зло

используется так, что среди следствий его находятся какие-либо виды добра, так что зло никогда не бывает абсолютным. В обществе, где есть частная собственность, жажда наживы ведет к развитию промышленности и торговли; честолюбие и зависть, побуждающие ученого напрягать свой ум, чтобы найти слабые места в исследованиях других ученых, ведут к открытию новых истин и уточнению знания и т. п. Если подавить у человека любовь к собственности, не развив в нем более высоких мотивов к труду, если отнять у мыслителя честолюбие, не заменив его чистою любовью к истине, то в душе человека образуется пустота, лень и тупое безразличие; вместо восхождения вверх получится падение»¹. Проблема добра и зла исследуется русскими мыслителями в более широком духовном контексте, нежели у их западноевропейских коллег. Они не ограничиваются рамками этики, но смело вторгаются в сферу метафизики, сотериологии, эсхатологии и христианской аскетики, чтобы полнее и глубже представить диалектику добра и зла, драматизм нравственной жизни человека и многомерность общественного бытия. В своих теоретических изысканиях на данную тему русские мыслители не только придерживаются определенной духовной традиции, но и постоянно держат в поле своего зрения социокультурный аспект проблемы добра и зла, точнее, восприятие, переживание и осмысление этих ценностей в русской культуре и национальной психологии. Отсюда очень важное место в их трудах занимает критический анализ таких свойственных отечественным нравам явлений, как морализаторство, нигилизм, доброхотство, самосуд и др. Важное открытие, которое сделали русские мыслители в изучении культурных феноменов, заключается также и в том, что они, не отвергая общечеловеческого содержания нравственных ценностей, установили вариативность способов их усвоения и приобщения к ним. В этом плане остается актуальным их вывод о духовной основе нравственной жизни в России, о значении религиозной веры и веры вообще. Л. П. Карсавин писал: «Русский человек не может существовать без абсолютного идеала, хотя часто с трогательной наивностью признает за таковой нечто совсем неподобное. <...> Докажите ему отсутствие абсолютного (только помните, что само отрицание абсолютного он умеет сделать абсолютным, догмою веры) или неосуществимость, даже отдаленность его идеала, и он сразу утратит всякую охоту жить и действовать. Ради идеала он готов отказаться от всего, пожертвовать всем: усумнившись в идеале или его близкой осуществимости, являет образец неслыханного скотоподобия или мифического равнодушия ко всему»². Л. П. Карсавину вторит Н. О. Лосский: «Основная, наиболее глубокая черта характера русского народа есть его религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра, которое осуществимо лишь в Царстве Божиим»³. В этом стремлении к абсолютному

добру есть положительная и отрицательная стороны. Положительная – в том, что русские, осознав какое-то зло, могут напрячь все свои силы и искоренить его. Так, например, накануне Первой мировой войны в России было практически покончено со взяточничеством, в советское время – с безграмотностью населения, с отсталостью в сфере промышленности. Отрицательная же сторона обнаруживается в нетерпимости к людям, имеющим другие убеждения, в морализаторстве. Попытки построить на земле общество без всякого зла также вытекает из этой интенции национального сознания. Как показывает наша история, это приводит к еще большему злу и насилию над человеком.

Свою возросшую актуальность проблема добра и зла обнаруживает в связи с расширяющимся и углубляющимся глобальным кризисом, имеющим многовекторную направленность. Поскольку основные причины глобального кризиса связаны в первую очередь с существенным отставанием духовно-нравственного компонента развития человека от мощно разросшегося и овеществленного в технику интеллекта, то радикальный пересмотр и переосмысление основных и, по сути, системосозидающих понятий культуры становятся возможными и крайне необходимыми. И опять же неоценимую услугу в этом деле может оказать творческое наследие русских мыслителей. Создавая свои работы накануне и после катастрофы, произошедшей в России в 1917 и последующих годах, русские мыслители пришли к выводам и обобщениям, имеющим универсальное значение. Метафизика всеединства Вл. Соловьева и его последователей, учения о соборном сознании князя С. Н. Трубецкого, о симфонической личности Л. П. Карсавина, о церковном разуме В. В. Зеньковского, диалектика мифа А. Ф. Лосева, софиология о. Флоренского, о. Булгакова и др. закладывают многомерную теоретическую основу для новых решений проблемы добра и зла, для существенного оздоровления нравственной жизни человека и человечества. Поскольку философское творчество большинства русских мыслителей питалось восточно-христианской духовной традицией, то неизбежно обращение к учениям Отцов церкви, к богословскому наследию православия, где проблема добра и зла рассматривалась под углом зрения христианской метафизики, сотериологии, эсхатологии и аскетики. Увеличение количества злодеяний и усложнение качества зла, эмпирически очевидные на пороге XX и XXI вв., в значительной степени обусловлены отходом значительной части человечества, особенно принадлежащего к христианской цивилизации, от религиозных ценностей и религиозного миропонимания. Интересно отметить в этой связи, что в США после событий 11 сентября в общественном сознании намечился поворот к религиозным ценностям, многие деятели культуры требуют возвращения в школы преподавания Закона Божия и т. д. В то

же время, как показывает опыт сектантских движений последних десятилетий, абсолютизация религиозных ценностей приводит к страшным последствиям, к тотальному насилию над личностью и народами. В этой связи требуется взвешенный подход и трезвость ума, дабы стремление к возрождению духовных оснований жизни не погубило ее безвозвратно. Известная русская пословица «Заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибет» красноречиво иллюстрирует это положение. В постижении и освоении таких ценностных понятий, как добро и зло, необходимо соединение духовных традиций, философской рефлексии, здравого отношения к реалиям сегодняшнего дня и конструктивной педагогики. Все это в какой-то мере мы можем найти в трудах русских философов.

В отечественной литературе советского периода оказался совершенно упущенным феномен ресентимента (от фр. слова *resentimente* – неприязнь, обида, озлобленность, враждебность), содержательную теорию которого разработал М. Шелер⁴. Немецкий мыслитель убедительно показал, что основная причина ресентимента заключается в отчуждении европейцев от христианской духовности. Дав также детальное и точное описание феноменологии ресентиментного сознания, М. Шелер, к сожалению, очень поверхностно и банально определил главный фактор ресентимента в русском сознании, сведя его к отсутствию в России опыта парламентской демократии. Теория ресентимента показывает, что зло существует не только в активной форме (злодейство), но и в пассивной. Ресентимент – это актуализация бессилия и слабости человека, это злые импульсы в душе человека, которые тщательно маскируются и дают о себе знать, как правило, косвенным образом. Ресентимент основан на превратном представлении человека о самом себе, он питается гордыней и самомнением. Ресентимент во многих случаях является более тяжелой формой морального зла, нежели откровенное злодейство, ибо сопряжен с самооправданием человека. В русской литературе (в особенности в творчестве Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева) даны прекрасные художественные изображения людей с ресентиментным сознанием в его разных вариантах и проявлениях. В качестве наиболее типичного примера здесь можно привести «человека из подполья» Ф. М. Достоевского. В свете теории М. Шелера становится более понятным феномен русской интеллигенции, большая часть которой была носителем ресентиментного сознания. Ресентиментным было ее отношение к народу, который это чувствовал и за это не любил ее. «Полюбить, то есть пожалеть, народ за его нужды, бедность, страдания, – писал Ф. М. Достоевский, – может и всякий барин, особенно из гуманных и просвещенных. Но народу *надо*, чтоб его не за одни страдания его любили, а чтоб полюбили и *его самого*. Что же значит полюбить его самого? “А полюби ты то, что я люблю,

почти ты то, что я чту” – вот что значит и вот как вам ответит народ, а иначе он никогда вас за своего не признает, сколько бы вы там об нем ни печалились. <...> Пушкин любил народ не за одни только страдания его. За страдания сожалеют, а сожаление так часто идет рядом с презрением»⁵. Левая, наиболее многочисленная часть русской интеллигенции была носителем больной совести. Именно по отношению к такой совести применимо определение К. Маркса, сказавшего, что «совесть – это бессилие в действии». Только духовным бессилием можно объяснить объединение интеллигенции в кружки и партии, и им же можно объяснить невиданную прежде жестокость Ленина и большевиков. Однако объединенное бессилие, движимое больной совестью, есть страшная разрушительная сила. Россия дважды в XX столетии стала жертвой ресентиментного сознания, присущего ее интеллигенции.

Итак, как мы попытались показать, проблема добра и зла, будучи одной из вечных тем мировой философии, получила специфическое преломление в отечественной мысли, которая стремилась соединить теоретическую рефлексию над ней с духовной традицией восточного христианства и особенностями русской культуры.

¹ Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. Париж, 1949. С. 256.

² Карсавин Л. П. Восток, Запад и русская идея // Соч. М., 1993. С. 214–215.

³ Лосский Н. О. Характер русского народа // Условия абсолютного добра. М., 1993. С. 240.

⁴ См.: Шеллер В. Ресентимент в структуре моралей. СПб., 1999.

⁵ Достоевский Ф. М. Дневник писателя. М., 1989. С. 500–502.

ОЧЕРК БЫТИЙНОГО ИМПРЕССИОНИЗМА

Д. М. Федяев

Омский государственный педагогический университет

В последние десятилетия основательно и всесторонне исследовалась русская философская традиция. Сегодня можно смело считать «общими местами» следующие суждения.

1. Русская философия есть в значительной степени философия логоса; она тяготеет к интуитивному, мистическому постижению бытия.

2. Русская философская мысль теснее и органичнее, чем западная, связана с мыслью религиозной.